

ФОЛЬКЛОР И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

FOLKLORE AND TRADITIONAL CULTURE

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-377-389

EDN: JTJLLR

Научная статья / Research article

Национальное своеобразие коми анекдота

П.Ф. Лимеров

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация,
✉ plimeroff@mail.ru

Аннотация. Проблеме исследований коми-русских языковых и межкультурных взаимоотношений уделено достаточно много внимания в работах лингвистов, социологов, а в последнее время появились и достаточно уверенные исследования в фольклористике. Фольклор коми демонстрирует уникальные примеры присвоения чужих, в данном случае — русских фольклорных текстов, причем не механического присвоения, а семантической корреляции русских текстов к прагматике коми языка. В этом аспекте не рассматривались коми анекдоты, хотя как раз в них проблема межъязыкового взаимодействия проявилась достаточно ярко. В современной коми фольклорной среде анекдоты распространены так же широко, как жанры былички или предания, тематический диапазон их не слишком разнообразен, фактически большая часть анекдотов отражает бытовые реалии деревенской жизни: случаи, происшедшие с известными рассказчику людьми, анекдоты о прозвищах, циклы анекдотов о деревенских «шутах» и т.п. Однако самой большой и наиболее популярной темой анекдотов по праву можно назвать тему лингвистическую, объединяющую собственно коми анекдоты о себе, искажающие русскую речь, и русские анекдоты о коми. И та и другая серии, так или иначе, строятся вокруг речевой ситуации, в которой этнический коми использует русский язык.

Ключевые слова: кыдья роч, пиджин, коммуникация, комический эффект, пуант, речевое своеобразие

История статьи: поступила в редакцию 15.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках плановой темы ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Фольклор народов Европейского Севера России в контексте этнокультурного взаимодействия», № 126020216214-3.

Для цитирования: Лимеров П.Ф. Национальное своеобразие коми анекдота // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 377–389. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-377-389> EDN: JTJLLR

© Лимеров П.Ф., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The National Identity of the Komi Joke

Pavel F. Limerov^{id}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” Syktyvkar, Russian Federation,

✉ plimeroff@mail.ru

Abstract. Considerable attention has been paid to the issue of Komi-Russian linguistic and intercultural relations in the works of linguists and sociologists. Recently, more substantial research in folkloristics has also emerged. Komi folklore demonstrates unique examples of the appropriation of foreign (in this case, Russian) folklore texts. This is not a mechanical appropriation, but rather a semantic correlation of Russian texts to the pragmatics of the Komi language. In this aspect, Komi jokes have remained unexamined, although it was in them that the problem of inter-language interaction manifested itself quite clearly. In the contemporary Komi folklore environment, jokes are as widespread as genres like the *bylichka* (supernatural folk tale) or legends. Their thematic range is not very diverse; in fact, the majority of the jokes reflect the everyday realities of village life: incidents involving people known to the storyteller, jokes about nicknames, cycles of jokes about village “jesters” (local wits/fools), and the like. However, the largest and most popular topic of jokes can rightfully be called the linguistic topic. This theme unites jokes of the Komi itself, jokes about Komi distorting Russian speech, and Russian jokes about Komi. Both series, in one way or another, are built around a speech situation in which a Komi person uses the Russian language.

Key words: kydy roch, pidgin, communication, comic effect, pointe, speech originality.

Article history: received 15.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project 126020216214-3 “Folklore of the peoples of the European North of Russia in the context of ethnocultural interaction.”

For citation: Limerov, P.F. 2026. “The National Identity of the Komi Joke.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 377–389. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-377-389> EDN: JTJLLR

Введение

Коми анекдот никогда не подвергался специальному исследованию, как жанр устной прозы он не зафиксирован в фольклористике коми, и, как следствие, о нем нет ни слова в обобщающем издании по фольклору коми «История коми литературы. Т. 1. Фольклор» (Сыктывкар, 1979). Между тем анекдот коми крайне интересное явление, имеющее свою специфику, национальный колорит. Главной особенностью коми анекдота надо считать его билингвизм: он бытует на двух языках, коми и русском. Соответственно, сразу можно выделить две большие группы текстов — это деревенские анекдоты, рассказываемые преимущественно в коми среде на коми языке, и городские анекдоты, рассказываемые в смешанной русско-коми среде на коми и русском языках. Деревенские анекдоты тяготеют к бытовым занимательным случаям, имев-

шим или вроде бы имевшим место в действительности с конкретными людьми, городским анекдотам свойственна меньшая конкретность, они склонны к большей типизации. Цель данной работы — на основе анализа текстов деревенских и городских анекдотов осуществить попытку их предварительной классификации.

Деревенские анекдоты

Деревенский анекдот имеет установку на действительность, происходившую с тем или иным человеком, поэтому обязательно упоминается имя или прозвище главного героя, имена людей, причастных к этому случаю, уточняется, когда и где произошел случай, и в этом деревенский анекдот сходен с быличкой, с разницей в том, что быличка рассказывает о страшном случае, а анекдот — о смешном. В этом смысле городской анекдот можно сравнить с бывальщиной — случай, вроде бы и имел место, но неизвестно с кем и когда.

Вот пример деревенского анекдота:

Нокся град вылын. Забор саяс челядьлөн ворсанін. Кёсийны ворсны семьяысь. Варов Катя командуйтё:

— Ме лоа мам, вода крёватьё. А тэ, Вася, лоан бать и быттьёкё локтан гортё код юрён. Ёнас крапайтчы да горзы.

— Мый горза?

— Но, мый папыд горзё, кор коддзас?

— Кён пищальыс? Вёсьнытё лыяла. А тэ муйё трустикён узян?

(Работаю в огороде. За забором играют дети. Собираются играть в семью. Варов Катя командует: «Я буду мамой и лягу в кровать, а ты, Вася, будешь папой и будто бы придешь домой пьяным. Сильно стучишь в дверь и кричишь. — Что кричу? — Что твой папа кричит, когда пьяный. — Где ружье? Всех перестреляю. А ты почему в трусах спишь?».)

В данном тексте присутствует автор-рассказчик, который был свидетелем рассказываемой им истории. Присутствие рассказчика — это своего рода метатекстовый ввод [1. С. 29], информирующий слушателя об установке на реальность истории. Развертка истории парадоксальна, нелогична с точки зрения обычной ситуации детской игры. Этим и достигается комический эффект нарратива, однако сама история выглядит типической для слушателя, она узнаваема, поэтому легко переходит в разряд анекдотов и может рассказываться уже без привязки к автору. Подобные анекдоты в деревенской среде имеют достаточно широкое распространение, нередко они «привязываются» к определенному персонажу, как бы принимающему на себя роль трикстера. Таким персонажем надо полагать Костю Моряка (Моряк Костя), о котором рассказывают анекдоты в деревнях по реке Вашке Удорского района РК.

Костя Моряккӧд мунім Мӧскваӧ выступайтны, вӧлі Дни Республики Коми, да миян ветліс Удорасьыс ыджыд коллектив. Ме иг вӧв сэтӧн, висьталасны вӧдзӧ: метроӧ пуксясны, петӧны вагонысь, сэн “Осторожно, двери закрываются”, но Костя Матросыд оз удит петныссӧ. Ӧстальнӧйыс петӧны, а сія и кольӧ, кольӧ дай нӧшта остановка мунӧ. Остановка мунас, лэччас, видзӧдлас, но кытчӧ мунны, гостиница оз тӧд, улица оз тӧд, группасьысь коли, оз тӧд муй карны, ӧтӧрӧ видлыны уськӧдчылас, мӧдӧрӧ видлыны уськӧдчылас — некытӧн абужсь, это самое, но и вӧдзӧ нинӧм оз тӧд дай шуас, локтӧ ӧти дорӧ дай шуас: “Вы вашкинских не видали здесь?”

(С Костей Матросом поехали в Москву выступать, были Дни Республики Коми, да из Удору был большой коллектив. Меня тогда не было, но рассказывали, что ехали в метро, а когда выходили из вагона (после слов) «Осторожно двери закрываются» все вышли, а Костя Матрос остался. Проехал еще одну остановку, вышел, посмотрел, не знает куда идти, где гостиница. Поискал своих, нигде их нет. Потом подходит к прохожему и спрашивает: «Вы здесь вашкинских не видели?»)

Костя по прозвищу Моряк жил в деревне Выльгорт на Вашке и слыл человеком, не лишенным талантов. Он был прекрасным плясуном, говорят, что даже когда по старости он совсем оглох, мог плясать, не слыша музыки, и нередко попадал в ситуации, расцениваемые односельчанами как нелепые или смешные. Рассказывают, к примеру, что, увидев в Московском зоопарке слона, Костя Моряк изрек: «Здесь мяса не только на Выльгорт, но и на Важгорт хватит, даже на Пучкому останется!». Через некоторое время о случае с Костей в зоопарке стали рассказывать по всей Удоре. Подобных анекдотов или баек о персонажах в коми среде достаточно много, они бытуют в разных регионах Коми, однако циклы анекдотов, как о Косте Моряке, довольно редки. Нам известны только анекдоты о верхневьчегодском шутнике по имени Макся Ёгор.

Некоторые анекдотические случаи связаны с происхождением прозвищ. Актуальность таких анекдотов обусловлена тем, что в деревенской культуре прозвища имели как отдельные люди, так и целые сельские агломерации. При этом с происхождением прозвищ связана определенная история, нередко рассказываемая как анекдот.

Пӧляинсаӧс нэм шуисны «пӧляинса тӧчила пыр кудзасьысьес». Сісьтыдінын сикас вӧлі зэв ыджыд тӧчила, волісны сэтчӧ пӧляинсаяс тӧчитчыны, черныссӧ тӧчитны, пӧляинсаыс лёкджыка олісны, а сісьтыдінсаыс бурджыка муйыськӧ оліны, и тӧчиланыс наеслӧн из вӧв. Воасны пӧляинса тӧчитчыны, а тӧчилаас и ваыс абу. А миян Сісьтыдінас зэв ылӧ ваысла колӧ ветлыны, но я вӧлӧма сэтшій, Петя нима зон, дак, ваысла некодлы, дыш лэччыны да кодкӧ шуас: “Петя, кудзав тӧчилаас”. А Петяыд босьтас дай кудзала. Сэсянь и лӧймаӧсь пӧляинсаяс шуӧмаэсь “сісьтыдінса тӧчила пыр кудзасьысьяс”, нэм кежлӧ кольӧма тайӧ нимыс.

(Жителей Поляина всегда называли «поляинские через точило писающие». В Сисьтыдине в середине села было большое точило, приезжали сюда поляинские точить топоры, косы. Поляинские жили хуже сисьтыдинских, и точила своего у них не было. Приехали поляинские точить, а воды нет. А у нас в Сичтыдине за водой надо далеко идти. Но и был там мальчик по имени Петя. За водой лень было идти, так и сказали ему: «Петя, поссы на точило». Так и назвали их «поляинские, через точило писающие», навсегда прозвище осталось.)

Насмешливое прозвище давалось жителями соседней деревни, но история происхождения прозвища зачастую оказывалась забытой. К примеру, жители деревни Разыб считались скупыми и их называли «Разыбса агас пинь пуысьяс» (Варящие зубья бороны Разыбские). Прозвище акцентирует внимание на изображении неправильности разыбских с точки зрения жителя соседней деревни, но саму историю присвоения прозвища никто уже не помнит. Гораздо информативнее анекдоты о происхождении прозвищ односельчан.

Эйней Миш вёлі медся первей нёббёма транзистор «Океан». Вёдзё и ветлөдлө сикт кузяыс транзисторён, музыка кывзё, ошйысьё. Сэсся и нимтісны сійё Миша Океан. А кор гөтрасис, гөтырсь шуисны Мореён, Валя Море. Костя, налөн тыыс, пони на вёлі, шуё: «Папё — Океан, мамё — Море, а ме нё коді — Лужайка?» Лужасё сідзи шуё.

(Эней Миша первым купил транзистор «Океан». Вот и ходил по селу с транзистором, музыку слушал, хвастал. Ну и называли его Миша Океан. А когда женился, то и жену называли — Море, Валя Море. Костя, их сын, маленьким еще был, спрашивает: «Папа — Океан, мама — Море, а я кто, Лужайка? Так он лужу назвал.)

Кульминацией композиции, конечно же, надо полагать заявление сына, сюжет повествования проходит как бы две стадии, поднимающие градус напряженности. Во-первых, препозиция, когда персонажу дается остроумное прозвище. Во-вторых, комический эффект вызван допущением того, что женой «океана» может быть только «море». В данном случае осуществляется коннотативный перенос значения «Океан» — транзистор на «Океан» — вода. Поэтому вопрос сына логичен: если папа — «океан», а мама — «море», то сын должен быть водной акваторией меньших размеров, то есть лужей. Но особенность истории в том, что, переоформив слово «лужа» в «лужайку», сын включил свое прозвище в другой семантический ряд, связанный не с водой, а с землей. Если прозвище подчеркивает индивидуальные черты человека, то мотивы номинации его родственников продиктованы исключительно комическим эффектом, как это видно из примера с прозвищем жены Михаила. Другой пример:

Пыссаын вйым Ленин Володь. Ся бура велөдчөма, дак вёдзё быдтор кужас карнысь кытөн коді обратитчас. А гөтырыс Надя дэй вёдзё гөтырсь и шуасны Крупскаяён. Ёні Ленин да Крупская олөны юкын.

(В Пыссе есть Володя Ленин. Он хорошо учился, все умеет делать, кто к нему обращается. А жена у него по имени Надя, так и стали ее называть Крупская. Сейчас Ленин и Крупская живут вместе.)

Лингвистические анекдоты

Сюжеты об искажении русских слов коми или коми слов этнически русскими людьми открывают самую популярную — лингвистическую серию коми анекдотов. Здесь нельзя не затронуть проблему билингвизма населения Республики Коми. Исторически сложилось, что русский и коми языки сосуществуют в пределах единой языковой области и единого культурного комплекса уже несколько столетий. Естественно, что билингвизм проник в совершенно различные сферы жизни людей коми — как в разговорный язык, так и в язык, обслуживающий фольклорно-обрядовую сферу. Поэтому переключение кодов является обычной языковой практикой коми-русских билингвов. Оно как бы «разрывает» круг повседневных (обыденных) языковых норм и выводит разговорную речь на некий иной языковой уровень, обладающий с точки зрения говорящего большей семантической полнотой. Переключения кодов достаточно распространенное явление в речи как деревенских, так и городских жителей коми, полагающих, что русский язык — это язык более высокого порядка, язык «культурных» людей. Это явление имеет место в письменной речи, в обрядовом фольклоре, в заговорной практике и других сферах народной культуры коми. В данном исследовании мы рассматриваем только серии лингвистических анекдотов, акцентирующих внимание на искажении русской лексики, видимой участникам коммуникации, но непонятной говорящему. Таким образом, темой анекдотов коми является языковая игра, особенностью которой является то обстоятельство, что комиязычный персонаж, используя русский язык, нарушает его языковые нормы, как бы вступая в языковую игру произвольно. В одной из работ [2. С. 312–316] мы отмечали, что лингвистическая тема коми анекдотов берет начало в таком специфическом языковом явлении, как «кыдья роч», обозначающем смешанную русско-коми речь, буквально «кыдья роч», это «русский с мякиной, т.е. с примесью». В Коми-русском словаре (1961) это явление истолковано и как «ненастоящий русский (о нерусском, выдающем себя за русского)»¹. Нельзя исключать, что кыдья роч некогда возник в контактных зонах как форма смешанного языка или языка переходного [3. С. 28], имеющего свой коми-русский лексический состав при преимущественно русском синтаксическом строе. В кыдья роч мы имеем дело с особой формой коми-русского билингвизма, с разновидностью пиджина, бытовавшего в зонах контакта коми населения и русских, таких как

¹ Коми-русский словарь / сост. Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова / под. ред. В.И. Лыткина. Москва, 1961. С. 350.

владычный город Усть-Вымь и Яренск, в Средние века. Вопрос о «неизбежном» существовании пиджина на северо-востоке Европейской России в прошлом, едва ли не со времени независимого Новгорода, когда начались регулярные коммуникации между местными жителями и русскими, — поставил В.И. Беликов в статье 1997 г. [4. С. 108], однако дальнейшего развития тема не получила. Причина в том, что пиджины легко разрушаются, когда надобность в их функционировании отпадает, а остаточный языковой материал воспринимается уже как малограмотная речь или исковерканный язык.

Так, в XIX в. смеялись над исковерканной речью жителей Усть-Выми, и Иван Куратов, в одной из своих заметок о коми языке отмечал, что в Усть-Выми разговаривают так: «Кукань бегала да бегала, да и пырис гидё. Перевод: „Теленок бегал-бегал, да и забежал в хлев“. „Ме ходила в вичко-у“. Перевод: „Я ходила в церковь“. В Яренске во времена Куратова так уже не говорили — там преобладал русский язык, а зырянские школяры, возвращаясь из Яренского училища на родину через Усть-Вымь — изрядно веселились, слушая „мякинную“ речь местных жителей» [5. С. 44]. Надо полагать, что пиджин *кыдья роч* обслуживал культурные связи коми и русских на ранних этапах торговых контактов, однако уже к началу XX в. он воспринимался как особый стиль речи недалеких людей, которые, подчеркивая свою образованность, нарочито говорят по-русски в ущерб родному коми языку. Соответственно, возникали анекдоты, высмеивающие подобный тип говорения. Такова серия анекдотов о людях, некоторое время живших в русскоязычной среде, которые, приехав на родину, старались говорить только на русском языке, словно бы забыв родной язык.

Зон локтёма армияысь, кыв ни джын комиён оз сёрнит. Гёсьтъёс воисны, бавтыс юасьё: «Висьтав, пидй, кызд служитін, мый армияад вёчин?». Пидй и висьталё рочён: «Из вагона шом грузил».

(Парень вернулся из армии, ни слова не говорит по коми. Гости собрались, отец его спрашивает: «Расскажи, сынок, как служил, что в армии делал?». Сын отвечает по-русски: «Из вагона **шом** (уголь) грузил».)

Армияысь воём бёрын пи оз сёрнит комиён. Айыскёд мунёны пывсянё, шуё: «Папа, подай веник», поткёдлёны нес, сія черсё шуё топор. Айыс и думайтё, быттьё кё колё кызкё бурдёдны писё. Друг пиыслы кок улас вескаіс нарман да кучкис кымёсас. Пиыс и горёктіс: «Батьё, тайё вед нарман!».

(Парень вернулся из армии и не говорит по коми. Идут с отцом в баню, по-русски просит: «Папа, подай веник» (вместо *корёсь*), дрова колют, он *чер* называет «топором». Отец и задумался, надо ведь как-то лечить сына. Вдруг сын наступил на лежавшие деревянные грабли, и черенок ударил его в лоб. Тут сын и закричал (на коми): «Отец, это ведь грабли!».)

Армияысь воём бёрын пи оз сернит комиён. Мёдöма пывсянö да юасьö мым-ыслысь корöсь: «Дай киш-куш!». А рытнас мунö ныв дорö да и шуö: «Пойду пульк-пальк!»

(Вернулся сын из армии, и ничего сказать не может. Собрался в баню и просит у матери веник: «Дай киш-куш!». А вечером идет на встречу с девушкой и говорит: «Пойду пульк-пальк!».)

Серия анекдотов об армейце, возвратившемся со службы на родину, может быть, и больше. Смысловое ударение в подобных текстах лежит на переключении кодов: герой демонстрирует свою культурность, пытаясь строить фразы на русском языке, но в критический момент непроизвольно переходит на родной язык. Комический эффект рассказчик видит в разоблачении языковой и интеллектуальной несостоятельности обрусевшего персонажа. В частности, на интеллектуальную несостоятельность указывают фраза *из вагона шом* (уголь) *грузил*, выдающая истинный род занятий бывшего армейца, или звукоподражательные слова *киш-куш* и *пульк-пальк*, характерные для общения взрослых с детьми младенческого возраста. Иными словами, языковая неполноценность маргинала в данном случае ассоциируется с неполноценностью умственной, причем благоприобретенной.

В целом эти тексты относятся к серии анекдотов, высмеивающих людей, добровольно и демонстративно отказывающихся от «своего» коми языка, «своей» этнической культуры в пользу «чужой», русской. Как правило, этноязыковая среда довольно скептически относится к языковым способностям таких людей, считая, во многом справедливо, что их манера говорения находится где-то между русским и коми языками, одновременно не принадлежа ни тому ни другому: «Я *по рочу* (роч — русский) не умею, а по коми *не кужу* (кужа — умею)». Неправильные с точки зрения норм коми языка формы коми слов *по рочу* и *не кужу* калькируют русские формы *по-русски*, *не умею* и характеризуют маргинальный статус носителя этого вида речи. Маргинальный статус носителя такой речи закрепляется в языке прозвищами *кыдъя коми*, *кыдъя роч* «мякинный коми, мякинный русский» (Вычегода), *роча-коми варталай* «русско-коми варталай (недотепа)» (Прилузский район РК) или *роча-коми улькус* «русско-коми непропеченный хлеб» (Удорский район), указывающими на место маргинала между двумя этноязыковыми континуумами. Тем не менее, с точки зрения самого маргинального персонажа, он будто бы владеет русским языком и при этом совсем забыл коми. Сюжет анекдота обязательно включает коммуникативную ситуацию между маргиналом и комиговорящим персонажем, приводящую к разоблачению первого. Пуант анекдота всегда базируется на осмеянии языка маргинала, который на поверку оказывается не русским, а *кыдъя роч*.

Значительное влияние на переключение и выбор кода оказывают тема и сфера коммуникации. Нередко коми говорящему необходимо переключиться

на русскую речь, особенно если тема разговора относится к сферам, мало затронутым коми языком, к примеру при составлении документов.

Сьӧльыбын аникдот тайӧ вӧлӧма. Кӧсьяс эськӧ уволитчыны мыйкеысь конюкысь, но мыйкӧ ӧтӧрӧ оз ӧры да заявление гижсьӧ. Заявлениеас шуас: «Я конюк Николай, вот Петыр Вань кӧнюк, пузь будет кӧнюком».

(В Сӧльыбе был анекдот. Хочет уволиться из конюхов, да все не получается, вот и пишет заявление. В заявлении говорит: «Я, кӧнюк Николай, вот Петыр Вань кӧнюк, пузь будет кӧнюком».)

Комизм ситуации рассказчик видит в искажении русских слов в заявлении, то есть в документе, требующем строгого соблюдения грамматических правил. Другой пример:

Вӧдзӧ помнита ме дырйи вӧлі аэропортын. Зэв ыджыд вӧлі случай, кор на мӧдлапӧлын аэропортыс вӧлі. Значит, ӧи люкаліс вертолёт, гӧрд вертолёт, но вот, ӧні, значит, пастукыс гижсьӧ. Вертолёт, дзонь вертолёт, очень большой, ӧні сійӧ вӧдзӧ ин ӧры и восстановитны, колхозыс бы обанкротитчис ачыс, а ӧшкыс лукалӧма быдсӧн мыйкӧсӧ, этая кодӧ винтӧвӧй бӧрыс, лукалӧма, и вертолётсӧ нуисны вообще кык вертолётӧн, из вермыны татӧн даже восстановитны вертолётсӧ, но ӧні эд колӧ сійӧс кудзкӧ спишитны. А ӧні пастукыс гижас, шуас — «Прошлом году бык был воспитанный, потому что ветеринар хороший был, в этом году ветеринар плохой, и бык невоспитанный, поэтому и забодал вертолёт».

(Помню, уже при мне это было в аэропорту. Большой был случай, когда еще на другой стороне реки был аэропорт. Значит, бык забодал вертолет, и вот, значит, пастух пишет (объяснительную). Вертолёт, целый вертолёт, очень большой, теперь его уже не восстановить, колхоз бы обанкротился сам, а бык забодал его, где винтовая часть. И вертолёт увезли на двух вертолетах, не смогли здесь восстановить, но ведь как-то надо его списать. А пастух пишет: «Прошлом году бык был воспитанный, потому что ветеринар хороший был, в этом году ветеринар плохой, и бык невоспитанный, поэтому и забодал вертолёт».)

Сама по себе, ситуация с быком комична, но рассказчик акцентирует внимание на объяснительной пастуха, письменная речь которого выдает коми говорящего, строящего русские фразы в соответствии с особенностями коми языка. Собственно, этим и создается речевое национальное своеобразие анекдота, вызывающее комический эффект.

Ряд анекдотов строится на обыгрывании фонетических особенностей, связанных с тем, что в коми языке нет некоторых звуков:

Ӧтпыр Федор мӧдас Москваӧ, но сылӧн другыс по гаражу шуас: «Педя, Москваад лоан да ньӧб меным подпарники». Кӧкъямыс магазинӧ пырас Мӧскваын, пыр некӧн тан абу подпарник. И шуас тая нӧ муй закажитис. Некытӧн

*подпарник абу. Педя сидз и мѡдас Мѡскваысь оз аддзы подпарник. Ёні лѡбѡ само-
лѣтѡн ну и гортас нин, вѡдзѡ ёні думайтѡ, шуас: «Ме Федя, а менѡ шуас сѣя Педя,
а тая подпарники закажитіс, значит подфарники».*

(Однажды Федя едет в Москву, и друг (коми) по гаражу ему говорит: «Педя, в Москве-то будешь дак купи мне подпарники». Федя приезжает в Москву, все что нужно было сделал, но нигде не смог купить другу подпарники. Восемь магазинов обошел, но нигде продавцы не знали ничего о подпарниках. Так он и сел в самолет и почти дома уже, и думает: «Я — Федя, а он меня Педей называет, а заказал подпариники, значит подфарники!».)

Есть примеры каламбурных ситуаций и с обратной омофонией, когда русскоязычный персонаж неверно истолковывает коми слово:

*Русский муж и коми жена. Жена по радио услышала, что во Вьетнаме
сбили три самолета и сообщает мужу: «Петя, во Вьетнаме-то опять куим
(к. «три») самолет сбили. Муж: «И чем их только нынче не сбивают!»²*

*Значит, воас Мария Ивановна учительница, но сійѡ ёти баб дорѡ сувтѡдасны
овны. А роч Мария Ивановнаыд, коминас оз пѡнимайт, но бабыд ѡтик асув
шуас: «Меным тшайсѡ кисьты сука», — но тая муй тая ругайтчыны заейтис,
ме ничѣ не сделала!». Мѡдасув, тшайсѡ кисьтас, мѡдасулас да бѡра кылас:
«Сука, сука кисьты». Но коймѡд асув воас бабыс шуас бара: «Но Мария Ива-
новна» мейым сука, сука тшайсѡ кисьты». Марья Ивановнаыд: «Что вы руга-
етесь? Кутишѡмнѡ ме сука? Ачыд пѡ тѡ блядь!».*

(Приехала Мария Ивановна, учительница, и поселили ее жить к одной бабушке. А русская Мария Ивановна по коми не понимает. Однажды утром пьют они чай и бабка говорит: «Меным тшайсѡ кисьты сука» (Мне чай налей покрепче), — но она и думает, что ее ругают, а она ведь ей ничего не сделала. На следующее утро снова слышит «сука кисьты» (налей покрепче). На третье утро бабка снова говорит: «Но, Мария Ивановна, меным сука, сука тшайсѡ кисьты» (Но, Мария Ивановна, мне покрепче, покрепче налей). И Мария Ивановна, обидевшись, отвечает: «Что это вы ругаетесь? Какая я сука, сама ты блядь!».)

Городские анекдоты

Комизм городских анекдотов на коми языке в целом строится вокруг ситуации непонимания коми героем русского языка или русским героем коми языка. Анекдоты почти полностью лишены конкретики, в их центре некий обобщѣнный образ представителя народа коми, искажающий русский язык или русский, неправильно понявший коми речь или акцент. Городские лингвистические анекдоты можно разделить на рассказываемые самими коми на коми языке и рассказываемые русскими о коми и коми языке. Впрочем, последние могут рассказываться и в коми среде. Приведем некоторые примеры последних.

² Рассказано на русском языке.

1. Два коми пытаются говорить по-русски и искажают язык:

Коми продавщица спрашивает по-русски коми покупательницу: «Вам сахар зъвесить кусо́ком али песо́ком?» Покупательница: «Не кусо́ком и не пеёсо́ком, а круглым кампетом».

Сюда же входит цикл анекдотов о Марье Ивановне, которая может быть как коми, так и русской учительницей в коми школе.

Марья Ивановна ведет урок выразительного чтения, Горький: «ВЫсоком небе пАрит сО́көл». Петя спрашивает: «Марь Ивановна, а «пАрит» — это что значит?» Марь Ивановна задумалась и отвечает: «Петя, «пАрит», это когда сО́көл сильно-сильно мАкает крыльями!».

Марья Ивановна нуёдö урок. Юалö: «Дети, што-нö курица дает государству?» Петяёс корас. Петя сувтас и шуё: «Яйцо, мясо». «Правильно, Петя а што-нö ешио?» Петя оз тöд. Сэсся Марья Ивановна и шуё: «Пук, Петя, пук-то забыл!»

Марья Ивановна ведет урок. Спрашивает: «Дети, что-нö курица дает государству?». Петю спрашивает. Петя встает и говорит: «Яйцо, мясо». «Правильно, Петя, а что еще?». Петя не знает. Марья Ивановна и говорит: «Пук, Петя, пук-то забыл!». (Русское слово *пук* учительница произносит как *пук*.)

2. Русский персонаж пытается перевести на русский язык коми текст по фонетическому сходству:

Центр г. Печоры долгое время украшала надпись: «Дзоридзав Коми Му!» («Расцветай, Коми край!») Ходил такой анекдот, что некий русский прочитал текст как «(На этом месте) **зарезал** коми корову».

Комический эффект создается неудачной попыткой выговорить мягкую аффрикату «дз», разделив ее на твёрдые и отдельные д и з — *д-з-ори-д-з-Ав* — с ударением на последний слог. С этими отдельными д и з слово дзоридзав близко по звучанию к русскому слову «**зарезал**», а в коми слове *му* «земля, край» русское ухо слышит мычание русской же коровы³.

К жанру анекдота о речевых аномалиях примыкают подтрунивания над фонетическими особенностями акцента коми, говорящих на русском языке. К примеру: «*Кто там под Окнами тОп-да-топ? СъвИння да пОросьонок да!*»; «*Вася, вИдзöдлы (к. «смотри»), шУкер, мЕнты! ЗЁбай!*»; «*ДЕвчонки! В ДЫрнөсе вату прОдают, шөсь копеек килОграм, народу нИково!*». Комический эффект здесь достигается акцентированием ударения на первом слоге, характерным для коми языка. В данном случае имитация русской речи коми говорящим персонажем не более чем «речевая маска», не несущая никакой семантической нагрузки и порождающая комическую ситуацию сама по себе [1. С. 48]. Тем не менее следует отметить, что русская речь в анекдотах коми говорящих персонажей фактически идентична реальной речи носителей коми языка.

³ Коми корова мычит: «Ба-а (баксö)».

Если в приведенных выше подтруниваниях имеется в виду обыгрывание некоторых речевых характеристик для создания комического эффекта, сюжеты анекдотов о русском в коми язычной среде большей частью разворачиваются на основе реально происходивших историй. Поэтому рассказчик всегда акцентирует внимание на какой-либо конкретике. Это может быть указание на время и место, где происходило событие. К примеру:

Нелямынӧд воясын вӧлі. Шиляевоӧ воас уполномоченнӧй, кӧсьяс ветлыны Шиляевоӧ, петас, а туй вылын некод абу. Локтӧ баб, баблысь юалас: «Бабушка, где дорога в Шиляево?». Бабыд эськӧ зэв рочасьны кӧсьяс. Рочӧн тӧжӧ шуас: «Сынок, где вӧв какыш, там и дорога в Шиляево».

(В 40-е годы было. В Шиляево едет уполномоченный, хочет спросить дорогу. Видит, идет по дороге бабка, спрашивает: «Бабушка, где дорога в Шиляево?» А бабке очень хочется показать, как она умеет по-русски говорить: «Сынок, где вӧв какыш (конские говешки) там и дорога в Шиляево».)

В данном тексте реализована в целом стандартная для анекдотов коммуникативная ситуация между носителем русского языка и комиязычным персонажем. Комический эффект создается неожиданным, внутренне немотивированным переключением кодов комиязычным персонажем, использовавшим в указании на ориентир коми фразу. Комизм усиливается еще и тем, что в качестве ориентира предлагаются конские фекалии. При этом акцент на времени и месте действия усиливает степень достоверности данного события.

Заключение

В рамках статьи мы ограничились описанием небольшого количества анекдотов, разделив их условно на деревенские и городские. Различаются они по установке на достоверность: если герои деревенских анекдотов почти всегда имеют реальных прототипов, то герои городских анекдотов лишены конкретики, такие анекдоты основаны на стереотипных представлениях о коми, в основном в русскоязычной городской среде. В свою очередь, из этих двух групп выделяется большая серия лингвистических анекдотов. Их можно было бы сравнить с так называемыми анекдотами об инородцах [1. С. 47-63], если бы они не были распространены к коми говорящей среде.

Информанты

Нина Ивановна Прокофьева, 1955 г.р. с. Кослан, Удорский район Республики Коми
Надежда Васильевна Логинова, 1962 г.р. с. Пысса, Удорский район Республики Коми
Коровина Мария Всеволодовна, 1956 г.р. д. Муфтыга, Удорский район Республики Коми

Список литературы

1. Шмелева Б.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. Москва : Языки славянской культуры, 2002. (Studia philologica. Series minor).
2. Лимеров П.Ф. Русский язык как «свой» и «чужой» в коми анекдотах // Рябининские чтения. Петрозаводск, 2011. С. 312–316.
3. Панюков А.В. Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009. EDN: QUOHII
4. Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект : сб. статей. Москва : Изд-во Московского университета, 1997. С. 90–108.
5. Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь / сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1988.

References

1. Shmeleva, B.Y., & A.D. Shmelev 2002. *The Russian Joke: Text and Speech Genre*. Moscow: Languages of Slavic Culture publ. (In Russ.)
2. Limerov, P.F. 2011. "The Russian Language as 'Native' and 'Foreign' in Komi Anecdotes." In *Ryabinin Readings*. Petrozavodsk, pp. 312–316. (In Russ.)
3. Panyukov, A.V. 2009. *Dynamics of the Development of Komi Folklore Traditions in the Context of Self-Organization Theory*. Syktyvkar, 2009. (In Russ.) EDN: QUOHII
4. Belikov, V.I. 1997. "Russian Pidgins." In *Minor Languages of Eurasia: A Sociolinguistic Aspect*. Moscow University Press, pp 90–108. (In Russ.)
5. Kuratov, I.A. 1988. *You Are Endless, Life*. V.I. Martynov (Comp.). Komi Book Publishing House publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лимеров Павел Федорович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0001-5290-267X; eLibrary SPIN-код: 9909-3300. E-mail: plimeroff@mail.ru

Bio note:

Pavel F. Limerov is a Doctor of Philology, Associate Professor, chief researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science." 26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5290-267X; eLibrary SPIN-code: 9909-3300. E-mail: plimeroff@mail.ru